

Особой темой русской сфрагистики, которая по существу осталась вне внимания исследователей после смерти П. П. Дихачева, являются так называемые промбы дреговичского типа — маленькие эллипсовидные печати, оттиснутые, как правило, крайне небрежно. Таких промб в разных собраниях насчитывается сейчас несколько тысяч. Они до сих пор никак не изучены и не систематизированы, а их характеристика сложна. Главная то часть этих промб вызвана к жизни специфическими особенностями русского денежного обращения в безмонетный период, на что указывает шведское поданье и шумный оборот сообщения аль-Гариати.²⁷ Однако пока было бы преждевременным исключать их из поля зрения сфрагистики и связывать только с нумизматикой. Постоянные совместные находки таких промб с безугодно изготовленными печатями на Городище под Новгородом, т. е. и комплексные материалы княжеского архива, говорят о том, что многие промбы дреговичского типа употреблялись и для скрепления актов. Только специальное изучение этих памятников поможет определить их место среди других сфрагистических материалов Древней Руси. Будем надеяться, что им недолго придется ждать своего исследователя.

А. И. КОПАЧЕВ

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИКА

Разработка советскими историками марксистско-ленинской концепции истории русского феодализма охватывала не только пересмотр всей дореволюционной историографии, но и в известной степени переоценку и переосмысление всего комплекса источников нашей истории.

Для советских историков на общего круга источников по феодальной эпохе первоочередное значение приобретали источники по социально-экономической истории, так как без тщательного изучения социально-экономических процессов феодального общества не могло быть создано подлинно марксистской истории.

Среди источников по социально-экономической истории важное место занимают акты. Именно на акты, отражающих в историко-правовой форме события и явления социально-экономической жизни, историк извлекает сведения о росте феодального землевладения и феодальном способе производства, о положении крестьянства, формах ренты, об иммунитете и других институтах феодального общества.

иногда так называемого племена Ярослав Всеволодовича. Сов. архивовед, 1958, № 3.

²⁷ См.: А. Я. Малицкий. Абу Хамид ал-Гариати и его путешествие в Русские земли 1150—1158 гг. История СССР, 1959, № 4, стр. 173—179.

Актовый материал в той или иной мере привлекается почти по всем работам советских историков, посвященных социально-экономической истории России. В работах последнего времени акты и грамоты используются для характеристики внутренней политики централизованного государства, политических устремлений различных феодальных ипшжжений, отдельных классов и групп. Широко распространено привлечение актов и грамот в исследованиях советских историков обусловлено дальнейшее совершенствование самих методов изучения актовых материалов. Это находило свое отражение прежде всего в практической работе по изданию актов.

Хотя в 20-х годах и появились ряд кружков публикации актов (два тома «Сборника грамот Коллегии экономии» и «Намечтнки социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв.»), однако лишь по второй половине 30-х годов и в связи с общим подъемом исторической науки в СССР стала осуществляться и планомерная работа по подготовке изданий актов.

В 1936 г. Институт истории АН СССР, определяя план издания документов по феодальному периоду, наметил среди прочих издания серий и серии актов, которая должна была включать в себя прежде всего все сохранившиеся акты до начала XVI в. и затем быть продолжена публикациями актов более позднего времени. Первый том этой серии — акты Великого Новгородца и Пскова — был начат подготовкой сразу же, но ввиду войны закончен печатанием лишь в 1949 г.¹ В 1950 г. выходят «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.»² включившие акты междукняжеских отношений и диспенсации князей XIV—XVI вв. В 1951 г. опубликована первая часть «Актов феодального землевладения и хозяйства», содержавшая земельные акты XIV—XVI вв. московских митрополитов,³ и 1956 г. — вторая часть этого издания, включившая акты конца XV — начала XVII в. Псково-Волоколамского монастыря,⁴ и в 1961 г. — третья часть, являющаяся продолжением части первой, она включала акты XVI—XVII вв. митрополитских и патриарших возниц.⁵ В 1952—1964 гг. были опубликованы три тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—на-

¹ Грамоты Великого Новгородца и Пскова под ред. С. П. Валка. М.—Л., 1949.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черешнин. М.—Л., 1950.

³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I. Подготовил к печати Л. В. Черешнин. М., 1951.

⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. Подготовил к печати Л. А. Зыкин. М., 1956.

⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. III. Составитель Л. В. Черешнин.

чала XVI в.⁶ В этом издании собран огромный актовый материал из архивов крупнейших монастырей Русского государства — Троице-Сергиева, Ипатьево-Белозерского, Симонова и др., а также акты частновладельческих вотчин.

«Акты социально-экономической истории» завершили публикацию русских грамот до начала XVI в., начатую «Грамотами Великого Новгородца и Пскова».

Паряду с крупными изданиями значительное число актов напечатано в виде отдельных публикаций. Так, уже после выхода в свет «Грамот Великого Новгородца и Пскова» новые новгородские акты XV в. были обнаружены и изданы А. А. Зиминим, С. П. Вязком, В. П. Корочкиным, В. Л. Яниним, А. Я. Хорошкевичем.⁷ В 1966 г. вышла замечательная публикация псковских актов XIV—XV вв., обнаруженных Л. М. Марасиновой в столбцах Поместного приказа XVII в.⁸ В результате фонд грамот Пскова периода его самостоятельности увеличился почти в три раза. Старинные смоленские грамоты изданы Т. А. Суминой и В. В. Лопатиным.⁹ Говоря о нахождении актового материала в последнее время, следует отметить также нахождение берестяных грамот, обнаруженных при раскопках Новгорода и других городов. Хотя собственно актов среди берестяных грамот и единицы, однако они дают некоторый материал для выяснения истории прохождения акта.¹⁰

Актовый материал XVI—XVII вв. издался в многочисленных сборниках (например, в сборниках по истории отдельных

⁶ Акты социально-экономической истории Севера Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I, М., 1952 (составитель С. В. Веселовский, подгот. текста и печати П. А. Годубин, А. А. Зимин, Л. В. Черешин); т. II, М., 1958 (составитель В. А. Годубин); т. III, М., 1964 (составитель П. А. Годубин).

⁷ Наимитики Русского права, вып. II, М., 1953, стр. 190—191; С. П. Вязок. Новые грамоты и повороды псковских отхожих с Прибалтикой в XV в. Истор. архив 1956, № 4; В. П. Корочкин. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря. Археограф. ежегодник за 1957 г., М., 1958; В. Л. Янин. Две неизвестные Новгородские грамоты XV века. Археограф. ежегодник за 1959 г., М., 1960; А. Я. Хорошкевич. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. Археограф. ежегодник за 1963 г., М., 1964, стр. 264.

⁸ Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.

⁹ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подготовлены к печати Т. А. Суминой и В. В. Лопатиным. М., 1963.

¹⁰ А. В. Арциховский и М. П. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский и В. П. Борковский. 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; 2) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; 3) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963; ср.: Л. В. Якубовская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

народов СССР¹¹) и в виде отдельных публикаций в журналах.¹² В плане изучения актов представляют интерес печатные перечни актов того или иного вида, фонда, архива. Например, опубликованный «Каталог частных актов Московского государства (1. Полные, 2. Докладные, 3. Служилые кабалы)» дает сведения о 797 актах этого вида.¹³ Огромный список жалованных грамот за 1504—1584 гг. (1139 грамот) составил С. М. Каптанов.¹⁴ Перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря, состоящий из 315 актов XVI в. и начала XVII в. напечатал А. А. Зимин.¹⁵ Данные об актовых материалах, а иногда и перечни их приводятся в обзорах и описаниях фондов различных хранилищ и библиотек. То обстоятельство, что в распоряжении исследователей теперь имеется полное собрание русских актов до начала XVI в., дает возможность постановки общих вопросов о происхождении акта, об эволюции формуляра акта разных видов, о классификации актов и т. д. Значительный материал по источниковедению актов содержится в предисловиях к отдельным томам, томам, сборникам актов, а также в журнальным изданиям. Например, пояснительные приложения к актам, помещенные в каждом из томов «Актов социально-экономической истории» (и т. I они составлены С. Б. Веселовским, а в тт. II и III—И. А. Голубцовым), содержат огромный материал для дипломатического изучения актов. Точно так же статьи Л. В. Черешнина, сопровождающие каждый том, имеют выдающееся значение для понимания и источниковедческой оценки актов разных видов.

Советские историки уделяют много внимания совершенствованию методов издания актов. Работа А. А. Зимина «Методика

¹¹ Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков. Ижевск, 1958. Составитель сборника П. П. Луишин сопроводил издаваемые акты обстоятельными комментариями.

¹² Г. П. Образцов. Обращение и юридические аспекты Антонию Сийскому монастырю XVI—XVII вв. Истор. архив, т. VIII, 1953; В. П. Корсакив. Новый список грамот великого князя Вячеслава Мстиславича Новгородскому Изяславскому монастырю. Истор. архив, 1955, № 5; В. Б. Кобрин и П. П. Кузьмин. Несколько документов по истории феодального земледелия XVI века в Юрловском уезде. Археолог. ежегодник за 1957 г., М., 1958; С. О. Шмидт. Поместные документы XVI в. Истор. архив, 1961, № 4; А. Н. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. Матер. и сообщ. по фондам Отдела рукописей и редкой книги ИАН СССР, М., Л., 1956 (публикации латинской шрифт старых грамотей 1598 г.).

¹³ Каталог частных актов Московского государства. Проблемы источниковедения. II, 1936.

¹⁴ С. М. Каптанов. Хронологический перечень immunityных грамот XVI века. Археолог. ежегодник за 1957 г., М., 1958, стр. 302—376; Археолог. ежегодник за 1960 г., М., 1962, стр. 120—200.

¹⁵ А. А. Зимин. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря (1504—1612 гг.). Археолог. ежегодник за 1962 г., М., 1963.

издания древнерусских актов» подводит некоторый итог достижениям нашей науки в этой области.¹⁶

Существенные успехи советской дипломатии относятся к послевоенному периоду. В 1940 г. проф. П. Коробков, отметив замедленность развития русской дипломатии в дореволюционный период, указывал, что и в первое послереволюционное десятилетие положение с дипломатией «не улучшилось». Несмотря на оживление интереса к изучению актового материала во второй половине 30-х годов, дипломатика, по мнению П. Коробкова, оставалась по-прежнему «одним из наиболее отстающих участков исторического фронта» как в части теории, так и практики. «До настоящего времени, — писал далее П. Коробков, — мы не только не имеем марксистски разработанной русской дипломатии, но и даже и попыток к ее созданию».¹⁷ С последним положением полностью согласился Илья. Такие факты, как постановка в 30-х годах дипломатии в качестве предмета преподавания на архивных курсах и в Историко-архивном институте в Москве, в Ленинградском и Киевском университетах, выход в свет первых научных «Проблем источниковедения»¹⁸ и сборника по неопознанным историческим дисциплинам,¹⁹ в которых помещались материалы по дипломатике, свидетельствовали о стремлении изучать дипломатику и поставить некоторые проблемы этой науки.

В послевоенное время дипломатия развивалась в тесной связи с источниковедением. В работах 40-х и 50-х годов М. П. Ухолова, Л. В. Черенина и многих других советских историков были разработаны важнейшие вопросы марксистско-ленинского источниковедения. Историк должен не только выявить источник, установить текст, автора, но и вскрыть классовую и политическую тенденцию источника. Эти методологические требования, конечно, являются обязательными и при источниковедческом изучении актового материала.

Специальных работ по дипломатике в послереволюционные годы вышло немного. Краткий очерк истории русской дипломатии частного акта был напечатан С. П. Валком в 1924 г. в виде историографических заметок по поводу «Сборника грамот Коллегии экономии». С. П. Валк полагал, что значение акта как исторического источника было осознано еще историками XVIII в., однако это относилось лишь к опубликованным актам. Частный акт как источник русского права в истории попадает в сферу исследования лишь с 30-х годов XIX в. В послереформенной науке, когда обнаружился резкий поворот к изучению проблем

¹⁶ А. А. Зимин. Методы издания древнерусских актов. М., 1959.

¹⁷ П. Коробков. Русская дипломатика (краткий очерк). Архивное дело, 1940, № 1, стр. 23—24.

¹⁸ Проблемы источниковедения, I, 1933; II, 1936.

¹⁹ Вспомогательные исторические дисциплины, М.—Л., 1937.

экономического и социально-политического характера, частный акт наряду с иными книгами широко привлекается в трудах по истории сельского хозяйства, землепользования и крестьянства. В литературе появляются работы об отдельных разновидностях актов: порядных, служилых кабалах, княжеских записках, поступках на крестьян и т. д. Находит обобщающие работы Д. М. Мейшико о грамотах XIV—XV вв. и С. Шумакова о собрании грамот Козлегии экономии. Немалое значение для развития дипломатики частного акта имела работа по изданию грамот Козлегии экономии, предпринятая Академией наук под руководством А. С. Даниш-Данишевского. Именно в ходе этой работы создались русская дипломатика частного акта.²⁰ Еще более критичий очерк истории дипломатики намечает Н. Коробков в 1940 г.²¹ В работе Коробкова освещается также методика дипломатического исследования актов, ставится вопрос о предмете и задачах дипломатики, о принципах классификации актов и т. д. Некоторые вопросы истории русской дипломатики разработаны А. А. Введенским. Так, например, им с привлечением новых материалов исследованы малоизвестные труды по дипломатии харьковского профессора К. П. Павловича за 1829 и 1831 гг., а также дипломатические труды В. О. Ключевского. Особым предметом исследований А. А. Введенского является вопрос фальсификации документов.²²

Основные вопросы советской дипломатики как в плане теоретическом, так и в плане практической разработки актовых источников поставлены в работе Л. В. Черенина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.»²³ Считая, что задачей советских историков является пересмотр «с точки зрения передовой теории марксизма-ленинизма» источников по социально-экономической и политической истории Северо-Восточной Руси, Л. В. Черенин предпринимает глубокое исследование всего актового материала и законодательных памятников XIV—XV вв. Этот «выбор и разбор актов» — замечательная страница нашей дипломатики. Критически анализируя различные виды актов, Л. В. Черенин выясняет условия и место их происхождения, классовую направленность и политическую целеустремленность. Прием, который поддается Л. В. Черенину, а именно «рассматривать происхождение каждого отдельного документа в связи с историей того феодального архива, к которому он относится» (Л. В. Черенин восстанавливает архивы великих князей московских, удельных кня-

²⁰ С. П. Ивляк. Сборник грамот Козлегии экономии (историографический штемпль). Кюриби киесков, 1924, № 1—2, стр. 228.

²¹ Н. Коробков. Русская дипломатия (практик очерк), стр. 17—37.

²² А. А. Введенский. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963.

²³ Л. В. Черенин и др. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I. М., 1948; ч. II. М., 1951.

лей, Попгрюда и Пекона, московской митрополичьей кафедры и отдельных монастырей), позволил ему проследить судьбу актов с момента их возникновения и вскрыть их значение в разные периоды развития феодального общества. Указанный прием обусловил и то, что дипломатический и историографический анализ актов ведется сугубо исторически. Так, М. В. Черепнин отвергает метод изучения сподного текста отдельных разновидностей актов как затемняющий классовую сущность актов, а исследует текст документов в связи с конкретными историческими условиями, выясняет их редакции, предлагаемые сторонами встречные проекты, выявляет модификации формуляра договорных грамот в связи с изменением политического положения контрагентов и т. д. Итак, исторический подход к изучению дипломатических особенностей каждого акта — важная методологическая посылка советской дипломатики. «Глубоко ошибочным является тот путь, — говорит М. В. Черепнин, — которым шли буржуазные историки и юристы, — путь простой сводки замеченных из разных грамот статей в общий единый текст. Марксистский диалектический метод требует, напротив, выяснения протекновения и развития тех исторических явлений, которые нашли свое отражение в актовом формуляре, в его изменяющихся правовых нормах».²⁴

Помимо методологического значения, книга М. В. Черепнина важна для советской дипломатики и своими конкретными выводами и частными наблюдениями над актовым материалом. Некоторые из них мы коснемся ниже, здесь же остановимся на одном методическом указании М. В. Черепнина, вытекающем из его анализа копийных книг. Так как большинство актов (почти 2/3) дошло до нас не в подлинниках, а в копийных книгах, то для изучения актов исследование самих копийных книг (истории их составления) имеет важное значение. М. В. Черепнин это и сделал. Он установил, что «копийные книги представляют собой не просто механическую сводку списков с единичных актов», а определенным подбором актов, обусловленным задачами и целями сборника. Отсюда М. В. Черепнин, на наш взгляд, делает не совсем обоснованную общительную рекомендацию изучать акт, дошедший в копийной книге, лишь в контексте копийной книги, не вырывая акт из окружения. По мнению М. В. Черепнина, «копии отдельных документов, рассматриваемые в общем контексте данной копийной книги, получают совершенно новое социально-экономическое и политическое значение».²⁵ Однако эти акты надо понимать, исходя из конкретных исторических условий XIV—XV вв., судить о них по тому значению, которое они имели тогда, а не по тому, какое значение этим документам прида-

²⁴ Там же, ч. II, стр. 7.

²⁵ Там же.

валось людьми или государственными учреждениями XVI—XVIII вв., причастными к составлению копияных книг.

На наш взгляд, исследователь ранних актов, дошедших в копияных книгах позднейшего времени, должен прежде всего установить, не искажались ли сознательно при копировании акты в связи с теми или иными задачами, которым должен отвечать копияный сборник, т. е. попытаться освободить акт от тенденциозных извращений позднейшего времени, ибо только тогда ранний акт может быть правильно понят. Разумеется, в копияных книгах могут допускаться и ненамеренные искажения текстов актов. Большинство копияных книг — это не какие-то тенденциозные фабрикации; но справедливому замечанию П. Е. Песова, они являлись результатом простого переписывания «наиболее ценных монастырских документов в специальные книги в первую очередь в целях сохранности и удобства пользования ими монастырскими членами».²⁶

Работа по изучению копияных коп как исторических источников, начата по существу впервые Л. В. Черепниным, продолжена С. М. Гаштановым и Л. И. Иваной на фондах архива Троице-Сергиева монастыря. С. М. Гаштанов подверг анализу копияные книги монастыря XVI в., заключающие около 1500 грамот,²⁷ и Л. И. Иваня — копияные книги XVII в., в которые вошло свыше 2300 актов.²⁸ Для дипломатики важен вывод этих исследователей: тексты грамот переписывались и сверялись с подлинными, следовательно, тексты копияных книг Троице-Сергиева монастыря являются достоверными. К тому же ввиду пришла Л. И. Иваня при изучении копияной книги Симона монастыря XVII в. — «фактических ошибок обычно не допускалось, имеются опечатки, которые скорее всего происходили от невнимательности; намеренного изменения текста не встречается».²⁹ Искажения сознательного характера отметил С. М. Гаштанов для книг Троице-Сергиева монастыря XVI в.

В предреволюционные годы А. С. Лавин Данилевским и его школой была разработана как общая методика изучения актов, так и начата разработка отдельных разновидностей частных актов.³⁰ Появились специальные работы об отсутствующих грамотах, о коротких, о складных записях, о ридных словорных записях,

²⁶ П. Е. Песов. «Новое направление в актовом источниковедении. Проблемы источниковедения, X, 1962, стр. 282.

²⁷ С. М. Гаштанов. Копияные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века. Зап. Отдела рукописей ГИМ, вып. 18, М., 1956.

²⁸ Л. И. Иваня. Копияные книги Троице-Сергиева монастыря XVII века. Зап. Отдела рукописей ГИМ, вып. 24, М., 1961.

²⁹ Л. И. Иваня. Копияная книга актов Симона монастыря XVII в. Проблемы источниковедения, X, 1962, стр. 243.

³⁰ А. С. Лавин Данилевский. Обзор русской дипломатики частных актов. СПб., 1920.

о поступных записях XVII в., о служилых казачах и т. д.²¹ Хотя главное внимание в этих исследованиях уделялось установлению некоего «среднего» формуляра акта того или иного вида, что, разумеется, затучивало реальные общественные отношения, развивавшиеся в акте, тем не менее они сыграли положительную роль; в них были определены характерные, общие черты формуляра различных видов актов, выявлены основные кликушлы, выработана терминология. В некоторых работах акты той или иной разновидности уже связывались с историческими условиями. Так, полные грамоты С. П. Вилк изучает в связи с развитием крепостного права,²² а отступные грамоты А. П. Андреев — в связи с историей крестьянского землевладения на севере.²³

Изучение акта с точки зрения марксистско-ленинской методологии как явления исторической жизни имело результатом углубленное исследование в актах разновидности. Вастящим примером такого рода исследований является ранняя работа Н. П. Смирнова о поступных грамотах XVI в. Н. П. Смирнов установил три этапа в развитии формуляра поступных грамот, отражавших процесс закрепощения русского крестьянства.²⁴ Основные разновидности как публичных, так и частных актов рассмотрены в названной выше книге Л. В. Черепнина. Характерная черта исследовательского метода Л. В. Черепнина в отношении каждой разновидности актов — это историчность. Акты государственного значения — духовные грамоты князей и договорные грамоты — рассматриваются по четырем периодам: акты XIV в., акты первой четверти XV в., акты второй четверти XV в. и акты времен Ивана III. Такое хронологическое рассмотрение актов позволяло исследовать как духовные, так и договорные грамоты в их развитии, отметить изменение формуляра, определить роль этих групп актов (в каждом акте) и определенные исторические периоды, вскрыть классовые и политические интересы, находящие свое выражение в акте и в его судьбе. Например, примечательно, что Москва по мере объединения земель стремилась собирать в великокняжеском архиве грамоты удельных князей, а затем частично их уничтожить. Внимательно и ослыт-таки и исторической последовательности изучены договорные грамоты князей с Великим Новгородом. При этом изучение формуляра договорных грамот ярко показывает некое дипломатическое наступление

²¹ Сборник статей, посвященный Александру Сергеевичу Лавно-Давыдовскому, Изд., 1916.

²² С. П. Вилк. Грамоты полные. Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Навролову, Изд., 1922, стр. 115—132.

²³ А. П. Андреев. Отступные грамоты. К истории крестьянского землевладения на Севере XVI в., Изд., 1916.

²⁴ Н. П. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. Проблемы истории материальной культуры, Л., 1933, № 5—6.

великокняжеской власти на независимое Новгородское государство. Примечательно также, что новгородские договорные грамоты с тюркскими князьями попали в архив московского великого князя не из Новгорода, а из Тьерри.

Для духовных грамот князей и договорных грамот важное значение имеет установление их даты. Ряд сложных вопросов по хронологии новгородских договорных грамот XIII—XV вв. был разрешен в специальной работе Г. Е. Кочина.³⁵ Позднее А. А. Зимин вновь пересмотрел датировку договорных грамот Великого Новгорода с князьями, а также хронологию духовных завещаний и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.³⁶

На частных актах Д. В. Черепнин изучает такие разновидности, как данные, духовные, купчие и меновные, земельные завладные кабалы, уставные и льготные монастырские грамоты записанным крестьянам. В каждом случае Д. В. Черепнин пытается установить примерный формуляр, присущий этой группе, и наиболее характерные отклонения от него. Частный акт изучается как документ борьбы за землю в феодальном обществе, а не как свидетельство «свободного волеизъявления» сторон. Например, вклады, передаваемые в монастыри, часто лишь завершают сложившиеся социально-экономические отношения. Это находит отражение в формуляре — грани между данной и купчей, закладной и купчей, духовной и данной иногда стираются.

Значительный интерес представляют наблюдения Д. М. Марасиновой относительно некоевых частных актов. Д. М. Марасинова в результате дипломатического исследования некоевых купчих, духовных, данных, ридных, разделных и меновных грамот устанавливает для отдельных видов некоторые особенности формуляра по сравнению с аналогичными грамотами Новгородской земли. Например, в некоевых актах нет указания стоимости приобретаемой земли, нет упоминания людей, стоявших у печати, но то и другое есть в новгородских купчих. Некиекие духовные составлены «при сосредоточении главного внимания на распоряжении землей. Некиекие данные, как и новгородские, не имели одинакового формуляра, и них отсутствовал общепринятый стандарт. Но в другом случае (купчие и духовные грамоты) при наличии установившегося и распространенного формуляра в некоевых документах имеются «индивидуальные особенности».³⁷

³⁵ Г. Е. Кочин и. О договорах Новгорода с князьями. Уч. зап. Лед. гос. пед. института им. А. Н. Герцена, т. XIX, 1939.

³⁶ А. А. Зимин. 1) О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. Проблемы источниковедения, V, 1936; 2) О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. Проблемы источниковедения, VI, 1938.

³⁷ Д. М. Марасинова. Новые некиекие грамоты XIV—XV веков, стр. 35—43.

Жалованные грамоты — важнейшие источники для изучения истории иммунитета феодального землевладения — исследовал Л. В. Черешнин, а в последнее время плодотворно изучаются С. М. Каптановым. Советская историческая наука, исходя из положения, что основой иммунитета является крупная феодальная собственность, рассматривает иммунитет как исключное обычное право владельцев этой собственности. Исследуя формуляр жалованных грамот, Л. В. Черешнин намечает основные этапы его развития в связи с историей иммунитета. Формуляр грамот XII—XIV вв. свидетельствует о наиболее полном иммунитете (широкие податные и судебные привилегии); в грамотах XV в., особенно после окончания феодальной войны, дела о душегубстве, а иногда и о разбое с похищением передаются суду юродцевей и наместников, вводится доклад о судебных делах центральному правительству, учреждается институт приставов — представителей княжеской власти, ведающих судом, и т. д. Кроме исследования формуляра жалованных грамот, Л. В. Черешнин стремится объяснить выдачу каждой грамоты или группы грамот, исходя из политических условий того периода. Так, например, грамоты княжеских, а затем московских князей Новгородским монастырям выданы с целью привлечения на свою сторону новгородских феодалов.

Положение о том, что жалованные грамоты были средством великокняжеской политики, С. М. Каптанов стремился доказать на материале жалованных грамот XVI в. В работах С. М. Каптанова исследование формуляра жалованных грамот приобретает инвентарный характер, при котором учитываются даже мелкие изменения тех или иных формул. В результате на основании жалованных грамот С. М. Каптанов выявляет колебания имущественной политики правительства не только на протяжении больших отрезков времени (например, 1549—1560 гг. — политика ограничения иммунитета, 1561—1579 гг. — расширение иммунитета и т. д.), но и в краткие исторические периоды (например, в годы правления Елены Глинской, Шуйских, Годуновых и т. д.).²⁶ Однако стремление С. М. Каптанова «рассматривать каждый конкретный акт, будь то жалованная, указная или иная правительственная грамота, обязательно в свете большой политики и каждую частную ее особенность обуславливать исключительно политическими мотивами» встретило вполне обоснованную критику со стороны Н. Б. Писова. Вряд ли выдачу жалованной грамоты, касающейся мелких текущих дел (спорной покосе, дворового места, оформления переданных и монастырь «по душе» земель,

²⁶ С. М. Каптанов. 1) Имущественные грамоты 1534 г.—начал 1538 г. как источник по истории внутренней политики в период регентства Елены Глинской. Проблемы источниковедения, VIII, 1953; 2) Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.). Истор. записки, т. 66, 1960.

установлении судебных сроков и т. д.), возможно рассматривать как акт сугубо политический. Скорее это обычный акт правового оформления финансовых и судебных привилегий землевладельца.³⁹

Условно изучаются советскими историками и другие разновидности грамот. Первые грамоты как источник классовой борьбы исследовали Л. В. Черепнин⁴⁰ и А. Д. Горский,⁴¹ губные грамоты — П. Е. Носов,⁴² таможенные грамоты — Т. А. Павлова,⁴³ служилые кабалы — В. М. Панеях,⁴⁴ крестьянские порядные — Г. А. Обращов и М. П. Ключков,⁴⁵ полные и докладные — Е. П. Колычева.⁴⁶ Диссертации Е. И. Каменицкой, защищенные в 1950 г., посвящены были повтородским порядным и судебным записям XVII в. как документам по крестьянскому закрепощению.⁴⁷

При изучении отдельных разновидностей актов большое внимание уделяется формулировке, так как в изменении формулировки исследователи видят отражение изменений в исторических условиях. Однако в советской дипломатике было обращено внимание и на то, что формулировка грамот сохраняет иногда свою архаичность, трафаретность, хотя уже и не имеет в себе полного социального и политического содержания,⁴⁸ поэтому при построении

³⁹ П. Е. Носов «Новое направление в источникеведении», стр. 263—273.

⁴⁰ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, стр. 226—253.

⁴¹ А. Д. Горский. Первые грамоты XV—начала XVI в. как памятники борьбы крестьян за землю. Тез. докл. и сообщ. докладной (Таллинской) сессии Советского по аграрной истории Восточной Европы, Таллин, 1956, стр. 20—201.

⁴² П. Е. Носов. Очерк по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957.

⁴³ Т. А. Павлова. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования внутреннего рынка. Истор. записки, т. 31, 1950, стр. 245—266.

⁴⁴ В. М. Панеях. 1) К вопросу о так называемых доженевских служилых кабалах Синода Прилуцкого монастыря. Проблемы источниковедения, V, 1956; 2) Опыт цифровой обработки материалов записных книг старых крепостей. Попр. историографии и источниковедения истории СССР (Труды ЛОИИ, вып. V), М.—Л., 1953.

⁴⁵ Г. А. Обращов. Оброчные и порядные записи Антоново-Сийского монастыря XVI—XVII вв. Истор. архив, т. VIII, 1953, стр. 80 и сл.; М. П. Ключков. Крестьяне Севера XVII в. по порядным грамотам. Уч. зап. Ростовского на/Дону гос. ун-та, т. 6 (Тр. историко-филол. фак., вып. 3), 1945, стр. 46—91.

⁴⁶ Е. П. Колычева. Полные и докладные грамоты XV—XVI ввек. Археолог. описания за 1961 г., М., 1962, стр. 41—82.

⁴⁷ Е. И. Каменицкая. Условия закрепощения повтородскими (По повтородским порядным и судебным записям в крестьяне и бабалах XVII в.). Труды Моск. гос. историко-архивного института, т. 7, 1954, стр. 129—155.

⁴⁸ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 22.

общих исторических выводов следует учитывать эту особенность актовых источников.

Наряду с изучением истории отдельных разновидностей актов и советской дипломатике поставлен вопрос о происхождении акта, прежде всего частного акта.

Еще в 1922 г. в рецензии на книгу А. С. Ланно-Давыдовского «Очерк русской дипломатии частных актов» С. П. Валк высказал мысль, что одной из задач русской дипломатии является изучение ранней эволюции акта. С. П. Валк заметил основные этапы этой эволюции. Предполагая, что «частноправовая сделка — явление гораздо более древнее, чем частный акт», С. П. Валк пришел к заключению, что в этот «доактовый» период сделка укреплялась символическим действием (например, хождением участников сделки по меже с дерзгой). Это первый этап укрепления частного права. Второй этап — это период, «когда входивший в юридический быт населения акт начал свою «историческую жизнь» и служил лишь «для впечатления в памяти тех действий или событий», которые выражали состоявшуюся сделку. И третий этап, когда сделку «укрепили надлежаще удостоверенный акт».⁴⁹ Замеченная эволюция хорошо прослеживается на материале раннего русского акта. Так, доактовый символизм отразился и северном акте, а указание на довод в актах уделных княжеств свидетельствует о бытовании здесь сделок в присутствии представителей княжеской администрации. Но как элементы символизма северных актов, так и элементы доклада в актах центральных областей исчезают в записках от «уверения удостоверительных клаузул акта».⁵⁰ Работа С. П. Валка, посвященная начальной истории древнерусского частного акта, осталась до сих пор незавершенной. В опубликованной в 1937 г. первой части работы С. П. Валк касается лишь литературы по просе по истории русского акта и исследует дошедшие до нас частные акты XII—XIII вв. Так как положение С. П. Валка о длительности существовавшей на Руси «доактовой» закреплении сделок (в центре частный акт появляется лишь во второй половине XIV в., а в Пскове и Новгороде несколько ранее)⁵¹ основывалось на выводе о подложности ряда сохранившихся актов XII—XIII вв., то его можно было легко оспорить, что и сделал М. П. Тихомиров. Рассмотрев аргументы С. П. Валка и проведя дополнительный палеографический и дипломатический анализ, М. П. Тихомиров пришел к противоположным выводам.⁵² Он утверждает подлинность всех оспариваемых актов и считает

⁴⁹ Русский исторический журнал, кн. 8, Изд., 1922, стр. 250—253.

⁵⁰ Там же, стр. 251.

⁵¹ С. П. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. Источниковедческие исторические дисциплины, М.—Л., 1937, стр. 280.

⁵² М. П. Тихомиров. О частных актах в древней Руси. Истор. записки, т. 17, 1945.

мнение С. П. Балка о позднем появлении частного акта общественным. Точка зрения М. Н. Тихомирова на вопрос о подлинности податочных под сомнение С. П. Балком ранних актов является общепризнанной. В разных исторических работах эти акты фигурируют как подлинные. Однако работа М. Н. Тихомирова отнюдь не разрешила проблему начальной истории русского акта.

Большое количество и разнообразие (как по форме, так и по содержанию) сохранившихся актов выдвигало перед советской дипломатикой задачу их классификации. Классификации актов, разработанная буржуазной наукой, носила формальный характер. Деление актов на публично-правовые и частно-правовые, что характерно для классификационных систем С. А. Шумакова и А. С. Ланшо-Данилевского, не могло удовлетворить историка-марксиста, так как оно не вскрывало реальных общественных и социальных отношений, находивших свое выражение в актах разных видов. Такое деление встречало и ряд практических затруднений, так как некоторые акты при неопределенности юридической природы Древней Руси могли быть отнесены то к публичным, то к частным (например, духовные грамоты князей, межевые акты, поручные записи и т. д.). Итак, происхождение акта — от правительственных или частных лиц — не может быть главным критерием даже для первоначального формального деления актового материала.

Советские историки при классификации актового материала исходят из их содержания. Первым принципом классификации актов П. Коробков считает деление их «по общественной формации и ступеням внутри них».⁵³

Однако основой схемы классификации актов П. Коробков не предложил, но существу его схема является развитием схемы классификации актов С. Шумакова. Первые понятия создания марксистской классификации актов относятся к послевоенному периоду. Исходя из содержания актов, А. А. Зимин наметил следующую схему. Все акты делится на две большие группы: А. Акты социально-экономических отношений и Б. Акты внутренней и внешней политики. Группу А составляют: 1) акты феодального землевладения (а) акты, показывающие борьбу феодалов за землю, — дашные, меновные, куичие, межовые и др.; б) акты, фиксирующие права феодала на землю, — законодательные грамоты, несудимые, тарханские, льготные); 2) акты о вассальных отношениях феодалов (договорные грамоты князей, присяжные и шертные грамоты, поручные грамоты, складные); 3) акты по истории феодального хозяйства крестьянства и холопства (духовные грамоты, крестьянские порядки, кабала полные и служилые, грамоты вольные и послужные); 4) акты о феодальном ремесле и

⁵³ П. Коробков. Русская дипломатика, стр. 35.

торовле XV—XVII вв.; 5) акты историко-бытовые. Группу В составляют: 1) княжеские духовные и договорные грамоты; 2) акты внутренней политики и управления и суда (а) уставные грамоты и доходные списки; б) акты судебной процессуальные; в) церковно-административные); 3) акты внешнеполитического характера.⁵⁴

Л. В. Черепнин прилагает схему А. А. Зимина большим шагом вперед, но считает, что и она «требует уточнения и развития». Общую схему классификации актового материала Л. В. Черепнин строит строго логически, исходя из учения о базисе и надстройке. Отсюда: первая группа — акты, характеризующие борьбу феодалов за средства производства; вторая — акты, характеризующие борьбу феодалов за рабочие руки, за ренту, различные формы зависимости крестьян и классовую борьбу в феодальной деревне; третья — акты, закрепляющие за феодалами землю и фиксирующие начало господства и подчинения в феодальной деревне; четвертая — акты, относящиеся к торгово-ремесленному населению; пятая — акты, характеризующие организацию государственной власти; шестая и седьмая — акты, отражающие «внутреннюю функцию феодального государства» (управление, суд); восьмая — акты, относящиеся «специально к внешнеполитической функции государства»; девятая — акты церковного права. Л. В. Черепнин не считает возможным отказаться и от деления актов на публично-правовые и частноправовые: «Это следует сохранить, построив на марксистско-ленинской основе и сочетав с чисто исторической классификацией».⁵⁵

Обе приведенные схемы исторической классификации по существу исходят при распределении актов из единого ряда исторических явлений — производительные силы, производственные отношения и надстроечные явления. Совершенно очевидно, что при этом содержание акта — главное основание отнесения его к той или иной группе. Но здесь-то и таятся трудности классификации актов, возникающие из того обстоятельства, что содержание большого числа актов чрезвычайно сложно, а значит, сложна и их роль в исторической действительности. Предложения А. А. Зимина и Л. В. Черепнина классификации актов могут быть оспорены в этом отношении. Например, оба автора в первую группу (акты, характеризующие борьбу феодалов за землю) исключают дальние, меновые, купчие, межевые, закладные и духовные. Но разве жалованные или правые грамоты не характеризуют ожесточенную борьбу феодалов за землю, однако они выделены в другую группу. Возникает другой вопрос: куда отнести те купчие, меновые, закладные и т. д., которые заклю-

⁵⁴ Схема классификации А. А. Зимина цитована Л. В. Черепниным (Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, стр. 62).

⁵⁵ Там же, стр. 62—64.

чались между крестьянами, т. е. без участия феодала? Точно так же оба автора выделяет и особую группу жалованные грамоты (иногда запрещающие за феодалами земельные владения). Но были такие грамоты, которые наряду с запрещением земли говорили о торговых и финансовых привилегиях. Договорные и духовные грамоты князей относятся А. А. Зиминским к актам внутренней политики, но ведь договоры московского князя с тверским, галицким и пинегородским — это и внешнеполитические акты. Кроме того, в этих грамотах много материала по социально-экономическим вопросам (торговля, сбор налогов и т. д.). Итак, классификация актов только по содержанию не всегда сможет выразить действительное значение каждого акта, а иногда и скрыть от историка само содержание акта. Возникает вопрос, насколько правильно и в силу классификации актов класть лишь их содержание. Авторы статьи о теории источниковедения С. М. Каганович и А. А. Курбатов, исходя из того, что «каким бы узким ни было содержание источника, оно никогда не ограничивается рамками одной темы», вообще отказываются принять содержание в качестве основы классификации. Это, по их мнению, привело бы «к полному произволу и делению источников». На всео сказанного ясно, что дальнейшая разработка схемы классификации актов — задача советской дипломатики. Одним из путей углубления работы по классификации актов является разработка классификации грамот какого-либо одного вида. Примером может служить классификация жалованных грамот, разработанная Л. В. Черепинным и уточненная впоследствии С. М. Кагановичем.⁵⁷

Проблема выявления подложных документов с целью обеспечения выявления из исторических источников всех «прямо фальшивок» (А. А. Введенский) не снята и в советской дипломатике. Советские историки не только раскрывали новые подложные документы феодального периода, но и вскрыли социальную и политическую сущность различных форм фальсификации документов. В этом плане представляет интерес работа А. А. Введенского о фальсификации документов в Русском государстве в XVI—XVII вв.⁵⁸ Приведем длинный перечень фальшивых документов в Московской Руси XVI—XVII вв., А. А. Введенский дает им соответствующее историческое истолкование.

⁵⁶ С. М. Каганович и А. А. Курбатов. Некоторые вопросы теории источниковедения. Истор. архив, 1962, № 4, стр. 185.

⁵⁷ Л. В. Черепин. Русские феодальные архивы XIV—XV ввек, ч. II, стр. 112—113; С. М. Каганович. К вопросу о классификации и составлении каталогов жалованных грамот. Истор. архив, 1956, № 3, стр. 211 и сл.

⁵⁸ А. А. Введенский. Фальсификация документов в Московском государстве в XVI—XVII вв. Проблемы источниковедения, 1, 1963, стр. 85—109.

Некоторые раскрытые советскими историками фальсификации документов имели важное научное значение. Такова подложная жалованная грамота Печорскому монастырю 1566 г., исследованная А. П. Андреевым,⁵⁹ подлоги документов на Украину, Белоруссии в XVI—XIX вв., изученные А. А. Введенским. На фальсификации жалованных грамот в Троице-Сергиевом монастыре, преследующие цель закрепления монастырских привилегий, указал С. М. Канитанов. При публикации актов XV в из архива Налеостровского монастыря В. И. Корецкий выявил ряд подделок документов, произведенных властями монастыря для обоснования своих прав на земли, а также и доказательство более древнего основания монастыря (с XII в.), чем он был фактически основан (в XIV в.). Дополнительные аргументы привел В. И. Корецкий в подтверждение мнения С. П. Валка о подложности так называемой мирной шунгских смердов с челмужским боярином Григорием Семеновичем 1375 г.⁶⁰ Интересна история подделки актов П. Г. Головиным, раскрытая С. П. Часным. Оказывается, в 30—40 х годах XIX в. Головин брал из архива подлинные документы и оставлял их у себя, делая копии и архив поддельные копии.⁶¹

Паряду с сознательными подделками и подлогами документов исследователю приходится сталкиваться и с бессознательной порчей текста акта, который происходит при верстке акта. Так, Л. М. Марасинов установил, что, в отличие от сравнительно точных монастырских копий актов в копиях книг, копии ранних актов в делопроизводственных делах приказов XVII в. имеют значительные искажения текста. Это происходило не только от того, что подлинные приказы не пошланы текста акта, были небрежны и т. д., но и от целевого назначения копии. Иногда иногда сознательно сокращал акт, выпуская существенные для дела части акта, или составлял лишь выписку или вложение акта. Изучение приемов копирования ранних актов в поздних делопроизводственных документах является одной из задач дипломатики.⁶²

Большая работа советских историков по выявлению, публикации и исследованию актов обусловила постановку в нашей литературе ряда частных вопросов актового источниковедения. Нет сомнений, что обязательным условием любого исследования по

⁵⁹ А. П. Андреев. О подложности жалованной грамоты 1566 г. Русский исторический журнал, 1920, № 6.

⁶⁰ В. И. Корецкий. Повтородские грамоты XV века из архива Налеостровского монастыря. Археограф. ежегодник за 1957 г., М., 1958, стр. 347—350.

⁶¹ С. П. Часный. К вопросу о подделках исторических документов в XIX в. Изв. АН СССР, VII серия, Отд. общ. наук, 1933, № 6—7, стр. 485—502.

⁶² Л. М. Марасинов. Новые исковерканные грамоты, стр. 28—34.

истории русского феодализма является нестороннее конкретно-историческое изучение и нечего дошедшего актового материала эпохи. Следовательно, наша историческая наука не принимает так называемый иллюстративный метод использования актов, а стоит на позициях систематического их изучения. В силу того обстоятельства, что актовый материал является по характеру своему массовым источником, его обработка иногда может производиться статистическим методом. Это может выразиться в группировке актов того или иного вида по времени, по территориальному признаку, по наличию тех или иных форм, запечатленных и определенных формулах актов, по социальному положению лиц, которых акт касается, по формальным данным и т. д. Однако статистический метод не может быть главным методом изучения актов, так как при значительной массовости актового материала до нас дошла лишь очень незначительная его часть. В полемике с С. М. Кацгановым Н. Е. Посов выдвинул убедительные аргументы в обоснование того положения, что даже такие многочисленные акты, как жалованные грамоты XVI в., дошли до нас отовсюду не сплошным комплексом, как утверждает С. М. Кацганов, а очень неполным и случайным комплексом.⁶² Отсюда систематическое исследование актов на основе их хронологического и территориального приурочения не всегда может привести к правильным выводам именно в силу случайности в распределении актов по периодам и по территории. Ведь если от того или иного периода или территории, скажем уезда, мы не имеем жалованных грамот, то это не значит, что они исторически не существовали. Они, может быть, просто не сохранились. Эти соображения Н. Е. Посова, высказанные по поводу методики изучения жалованных грамот, конечно, имеют и общее значение. Несомненные успехи, достигнутые советской дипломатикой в разработке актового материала с позиций марксистско-ленинской методологии, являются надежной основой для глубокого изучения истории русского феодализма.

М. В. БУБЫШКИНА

СОВЕТСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Палеография, как и другие вспомогательные исторические дисциплины, после революции далеко не сразуступила в полосу своего развития. Для дорожестоящих палеографических изданий, требующих часто репродуцирования текстов, в те годы не было необходимой шрифтовой базы, но главное — не было нищих специалистов, подготовка которых и окончание ими

⁶² Н. Е. Посов, «Несов» направление в актовом источниковедении, стр. 265—271.